

Игорь Игнатенко

Игорь Данилович Игнатенко родился в 1943 году в селе Ромны Амурской области. Окончил Благовещенский государственный педагогический институт. Автор около двух десятков книг стихотворений и прозы. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Прощай...». Основатель и постоянный руководитель областного семинара молодых литераторов, который в 2010 году отметил своё 15-летие.

В этом номере альманаха «Приамурье» публикуется новый рассказ Игоря Игнатенко, а также стихи из цикла «Колокола», за который автор удостоен звания лауреата Всероссийского конкурса, посвящённого 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Член Союза писателей России.

Рассказ. Стихи

Что было, то было

Снег начал падать медленно, неслышно, будто ранняя зима послала его с небес в разведку к людям на землю и не хотела делать этого при свете дня, а нарочно выбрала поздний вечер. На улицах города пустынно и зябко от стылости неприкрытого асфальта. К утру всё покроется белым пушистым ворсом, под которым спрячется до далёкой весны всякий житейский мусор, брошенный под ноги в небрежности и лености обывательских будней. Проснутся жители, а им радость свежести уже готова. Жаль только, что затопчут вскоре снег, покроют новым хламом чистоту белого покрова. Но так уж водится испокон веку, и ничего с этим не поделать.

Сергей возвращался домой, припозднившись на службе. С утра ездил в пригородный район, потом возился с магнитофонной плёнкой, писал текст репортажа. Начинался ремонт тракторов в сельских мастерских, наутро его материал пойдёт в последних известиях областного радио. Ехать на автобусе не хотелось, полчаса ходьбы были в радость. Дорожные столбы над головой струили жёлтый свет. Прогулка убыстряла бег крови, он даже снял перчатки и сунул в карман осеннего пальто. Горячими пальцами приподнял по-киношному воротник, поправил на голове кроличью шапку, купленную по великому благу его женой Мариной у знакомой продавщицы в магазине «Одежда». Идти в по-

луботинках было не холодно, тем более что надел шерстяные носки. Сухие снежинки щекотливо садились на нос и скулы, быстро таяли и сбегали капельками по щекам и губам к подбородку, упрятанному в шарф, и там исчезали в тепле парного воздуха, струящегося от разогретого тела. Быстрым шагом обгонял редких прохожих, дышал глубоко и вспоминал песню, которую три года назад пела на их свадьбе Марина. «Хорошо, когда снежинки падают и от них белеет всё вокруг...» Дома ждут жена и двухлетняя дочка Леночка. Хорошо! Что ещё нужно для счастья?

Своего угла Сергей пока не получил, жили у родителей жены в двухкомнатной квартире. Собственно, квартира принадлежала Георгию, старшему брату Марины. Он холостяковал по причине запойности, которая накатывала на его лысеющую голову и заставляла золотые рабочие руки хвататься за гранёный стакан с известным зельем, страшнее которого нет ничего на Руси. Занимал Жорка узкую переднюю комнату, а в просторной «зале» размещались отец с матерью. Когда дочка вышла замуж, родители потеснились, уступив молодым светлую часть комнаты, ближе к окну-фонарю. Там молодые и поставили за лёгкой деревянной, обтянутой сиреневым ситцем в цветочках ширмочкой, которую смастерил тесть, свою полутораспальную кровать. Здесь же и стол примостился с двумя стульями, и дочкина кроватка, тоже сотворённая мастеровитым тестем. Дед Прокоп любил внуку. Обожала её и бабушка Анфиса, маленькая и похожая на китаянку гуранка из кумарских краёв. Большого желать не приходилось, хотя супружеская жизнь вполголоса, за ширмой, страшно выматывала нервы. Марина здесь готовилась к урокам в своём педучилище, где преподавала математику, проверяла тетрадки, занималась на досуге с дочкой. Тесно, чего уж говорить! Но, с другой стороны, был в этих обстоятельствах и свой плюс. Без родителей-пенсионеров они бы не потянули в одиночку домашнее воспитание ребёнка. До детского садика Леночка пока не доросла, а отдавать её в ясельки решительно воспротивилась обычно тихая, как мышка, бабушка.

При мысли, что скоро увидит дочку, поговорит с Маринкой о новостях, Сергей улыбнулся и невольно убыстрил ход. Ближе к дому уже ощутимо начинал поскрипывать поднаваливший снежок. Весёлый хруст сопровождал каждый шаг, ритмично отдаваясь от стен кирпичных домов и слегка приглушаясь в деревянных постройках, которых ближе к окраине города было больше, чем коммунального жилья. А вот и трёхэтажный Г-образный, в серой штукатурке кирпичный дом, построенный для своих служащих ремонтно-эксплуатационной базой речного флота. Он светил окнами-маяками в чёрную ночь, придавившую его к заматаемой порошей земле. Там тепло и уютно, там родные люди, вечерний чай, расспросы о прошедшем дне. Там всё, ради чего стоит мотаться круглый год по командировкам, мёрзнуть и потеть, глотать пыль и месить полевую грязь.

Дома было шумно. Приехали с ночевой младшие братья тестя, Пётр да Иван. Оба жили в отдалённом совхозе, возникшем в пору освоения целинных и залежных земель. Пётр работал трактористом, а Иван шоферил. В город прибыли за запчастями для ремонта. Застолье братья устроили в комнате Георгия,

чтобы не мешать Марине с дочкой. Тёща то и дело неслышно сновала из кухни в комнату и обратно. То пельмени тащит на стол, то вскипевший чайник доставляет честной компании. Братья, как истые гураны, чего бы ни ели, ни пили, а стакан крепко заваренного чая-сливана всегда под рукой. Рюмку за встречу подняли — чаем запили, а не какой-то там газировкой, в которой ни вкуса, ни навару ароматного ни на грош.

— Зятюха, — выглянул в коридор лысоватый и шустрый шурин, — давай к нам на пельмени. Дядьки давно тебя не видели. Шшолкнем по маленькой, — он уткнул указательный палец куда-то высоко к уху, не попав в положенное при таких случаях звонкое горло.

Сергей быстренько разделся тут же в коридоре, повесил своё пальтишко рядом с пахнущими бензином телогрейками гостей. Сходил в ванную комнату, смыл дневную пыль с рук и лица. Заглянул к Марине, пригладил волосы на головке дочурки, склонившейся с цветными карандашами над альбомным листом. Жена не стала противиться его участию в застолье, только попросила устало:

— Ты там смотри не «нашшолкайся», мне ещё тетрадки проверять с контрольными. Знаешь, как Леночку уколачивать на ночь. Без твоих сказок её и за час не усыпишь.

Действительно, проблему убаюкивания молодой отец решал именно таким способом. Фантазировал про доверчивых зайчиков и голодных волков с хитрыми лисичками. Да так, чтобы, к удовольствию дочки, зайчишки благополучно избегали гибели, оставив лисичек с подтянутыми животами, а волков удрящими хвостами рыбу.

Главным в застолье был, как и положено, Прокоп. Среднего роста, худощавый, с удлинённым лицом, на котором выделялся русский иконописный нос, заострённый книзу и упирающийся в тонкие губы, сжатые в укоренившейся привычке молчать большую часть времени. Волосы имел русые, прямые, коротко стриженные. Одет был в клетчатую ковбойку, которая от долгого ношения и стирок потеряла яркость, тонкая байка растратила свой ворс, зато ткань так легла на тело, что казалась вечной в своей подоогнанности к фигуре. Глаза светились спокойной радостью от присутствия родовой. Крупными рабочими ладонями, несоразмерными узкокостным рукам, он то и дело поправлял скатерть перед собой, собирал в кучку хлебные крошки, брал их в щепотку и отправлял в рот по какой-то давней привычке, которую и сам за собой не замечал. Голосом глухим и басовитым, словно бы прихваченным раз и навсегда таёжным февральским морозом, он изредка обращался к братьям с разными житейскими вопросами. Младшие почтительно величали старшего «браткой», как издавна заведено было у старожилов этих краёв.

Появление в компании Сергея задержало течение наладившегося разговора на минуту приветствий, но затем родственная беседа потекла по налаженному руслу. Говорили о ремонте, запчастях, семенах на посевную и солярке. Пётр с Иваном не уставали нахваливать своего нового директора совхоза. По всему было видно, что они питают к нему неподдельное уважение. То один, то другой вставлял в разговор: «Микитас сказал...», «Микитас велел...», «Ну это

как Микитас посмотрит...» На Дальнем Востоке не в диковинку разнообразие национальностей, наряду с русскими полно укоренившихся после разных потоков переселений украинцев и белорусов, которые в этих краях пускали уже не первую ветвь родословных древ. Ну а этот, судя по фамилии, родился литовцем. Они тоже были не редкостью на Амуре, наряду с латышами, особенно после войны. Кто сам приехал, кого сослали бдительные «органы». Не каждому удавалось подняться так высоко, как Микитасу. Но всё это были люди западной культуры, работающие и порядочные, что довольно быстро создавало им солидную репутацию. Став дальневосточниками, они не рвались назад домой. И понять их было можно. Именно об этом сейчас и заговорили братья Щукины, чокнувшись перед тем с зятем Прокопа и Анфисы. Закусывали солёными груздочками, покрытыми нарезанным кольцами репчатый луком, политыми соевым маслом и посыпанными сушёным укропом.

— Партейный ваш Микитас? — поинтересовался старший.

— Без этого дела директором не назначат, — пояснил средний брат Пётр. Он более всего походил лицом и фигурой на «братку», хотя был повыше, волосом потемней, шире в костистых плечах. И голосом не совпадал, говорил громко и пронзительно, почти кричал. Сергей знал, что это у него с войны, на которой потерял от контузии и грохота пушек большую часть слуха. Воевал артиллеристом, победу встретил в Норвегии. Настрелялся по край жизни, как пояснил ещё в давнишние встречи Сергею, имевшему профессиональную склонность расспрашивать людей, в том числе и старших родственников, об их фронтовом прошлом.

Младший брат курчавыми волосами разительно отличался от старших. Лицо у Ивана было небольшое, круглое, аккуратно вылепленное природой. Его не портили даже мелкие шрамы на лбу и подбородке. Однако к носу судьба где-то приложила крепкую руку, повалив его ощутимо на бок. А в голубых глазах застыла некая недосказанность. Казалось, Иван ищет глазами человека, который его поймёт и посочувствует. Непонятно почему, но именно так почудилось Сергею, когда они встретились взглядами. Иван особенно горячо нахваливал Микитаса, у которого он, помимо всего прочего, исполнял, по мере необходимости, обязанности личного шофёра. «Мы с ним на Втором Белорусском фронте воевали, только в разных частях. На мундире иконостас из орденов и медалей!» — словно своими наградами, похвалился Иван.

Сергей не удержался от шутки, спровоцированной выпитой рюмкой: «Микитас, надень иконостас!» Напел на мотив известной песни про фронтовиков — и тут же понял, что затронул больную струну. Иван помрачнел, тесть с Петром тоже не развеселились. Один Жорка захохотал было, но тут же и осёкся.

— Ты, зятюха, не шуткуй. Там всяко бывало, только смешного мало видали, — прогудел рассудительно тесть.

Сам он пробыл войну в дальневосточном леспромхозовском запасе, на шофёрской броне. Вкалывали, надо сказать, по-фронтовому, без выходных. Но когда немца в сорок пятом заставили капитулировать, встал-таки под ружьё. Цзямусы, Цицикар, Муданьцзян, Харбин — он выбивал из этих городов япон-

цев, которых называл «комиками». А ещё говорил с усмешкой, что не раз отправлял «Сёму в рай» вот этой своей рукой из «пэ-пэ-ша». Они, де, Щукины, охотники, народ меткий. Сергей соглашался с тем, что тесть-то как раз имеет право сгладить грубоватой шуткой тяжёлые воспоминания. В отличие от братьев, пуля его миновала, осколки не зацепили, штык не достал. Да и вряд ли он сам догадался бы назвать «комиками» смертников-камикадзе. Наверняка кто-то из острословов, приехавших с западных фронтов, подобным манером окрестил противников, которые в подмётки не годились отборным эсэсовцам. Хотя в маньчжурских болотах и на солончаках Гоби немало легло русских солдат всего в одном шаге от победы во Второй мировой.

— Давайте за тех, кто не вернулся, — гуднул особенно низко Прокоп и поднял гранёную щербатенькую рюмку, налитую всклень.

Не чокаясь, выпили молча и сурово.

— Эх... — только и выдохнул Иван, смахивая слёзы с ресниц. Перевёл дух и добавил дрожащим голосом, откашливаясь, словно водка не в то горло пошла: — Двадцать три года прошло опосля победы, а всё снится, проклятая...

Расчувствовавшиеся ветераны полезли в карманы за папиросами. В комнате повис беломоро-балтийский смог, смешанный с жиденьким сигаретным запахом Жоркиной «Примы». Шурин сидел на кровати, задник которой был занавешен выцветшим от времени немецким гобеленом средних размеров, как раз по его росту. На гобелене выткана старенькая замшелая водяная мельница, расположившаяся в лиственном лесу у тенистой запруды. На большое колесо сбоку здания под черепичной крышей льётся струя воды из жёлоба. Неизвестный художник не изобразил на картине ни одной человеческой фигурки, но присутствие людей ощущалось. Казалось, вот сейчас колесо прокрутится в полный оборот — и на крылечко выйдет мельник посмотреть, всё ли в порядке в его хозяйстве, чинном и по-немецки аккуратном. Всё дышало миром и спокойствием, в котором было место и мельнику, и птицам на деревьях, и рыбам в пруду.

Сергей не курил, поэтому его уход восприняли спокойно. В коридорчике он уловил из-за плотно притворённой двери в «залу» монотонный голос бабы Анфисы, баюкавшей внучку. «Маринка над тетрадками сидит», — отметил он про себя и пошёл в кухню переждать, пока братья и шурин надымятся всласть. В маленькой кухоньке особо не развернуться. Слева печка, на жестяном припечке дрова и ведерко бурого райчихинского угля. За печкой у окна покрытый светло-коричневым лаком буфет с застеклёнными дверцами. Одна половинка — с волнистым мутноватым стеклом, другая после какого-то семейного катаклизма заставлена обычным оконным. Справа, вплотную к стене, притулился покрытый потрескавшейся клеёнкой стол, с торцов обставленный грубыми, самодельной работы стульями. На плите с краю большая кастрюля, в которой тёща сварила пельмени. По центру плиты, ближе к трубе, где погорячее, прилежал чёрный от времени чайник с облупившейся на пузатых боках эмалью. Сергей поднял крышку, в лицо пыхнуло духовитым паром чая-сливана. Но наливать себе раздумал: пусть братьям побольше останется, нечего на ночь надуваться тоника. Из подоконной ниши-холодильничка вынул кружок замо-

роженного молока. Совхозные дядьки в свои приезды всегда деревенского гостинца захватывали. Сюда и складывали. Положил лакомство в большую, с синим ободком, фаянсовую тарелку, сел ближе к окошку, поковырял ложкой желтоватую выпуклость посредине словно бы белым мохом прихваченного кружка. Добычу отправил в рот и стал смаковать деревенское зимнее лакомство. Никакое городское мороженое в стаканчиках сравниться не могло с тем вкусом, который разлился во рту. Это отдалённо напоминало сказочную сгущёнку, отведать которую довелось лет двух-трёх от роду, и только много лет позже уяснить себе, что это такое.

По коридорчику слышались мерные шаги, скрипнула дверь в туалет. Спустя пару минут заклокотал сливной бачок, а затем на пороге кухни возник дядька Иван с покрасневшимся лицом. Он сел на ближний к двери стул, улыбнулся Сергею, словно бы извинялся, что помешал тому в столь увлекательном занятии.

— Ты ешь, ешь, Серёжа, не смотри на меня. Коровка недавно растелилась, молочко жирное. Я её своим сенцом потчую, накопил в лесочке по июльской росе. Болтушку завариваю, когда и хлебца с солью дам. Вот она и старается...

Вслед за дядькой в кухню вошла и Марина. Близоруко прищуриваясь из-за стёкол очков, поправила на груди голубенький в крапинку халатик, спросила утомлённым голосом:

— Чего перекусить осталось?

— Да мы уж там нахарчевались под завязку, — встрепенулся дядька, — чайком балуемся. Так что всё твоё, что на печи. Правильно я говорю, Серёжа?

Марина выложила в тарелку остатки пельменей, бросила туда кусочек коровьего масла. Не забыла дяде чаю налить. Выдвинула из-под стола табуретку той же надёжной отцовской работы и принялась за еду, закусывая чёрным хлебом. Сергей бросил скоблить кружок и шутливо изрёк:

— Народ, который ест пельмени с хлебом, практически непобедим...

Он где-то прочитал эту фразу, кажется, у Виктора Астафьева, и она ему запала в память.

Жена лишь улыбнулась давно знакомой шутке. Она с хлебом и кашу ела, не только пельмени, что никак не сказывалось на её фигуре. Как родила Леночку и встала на весы, так с тех пор и держится на пятидесяти семи килограммах. В отца пошла, не в мать. Теща полновата, что подчёркивается невеликим росточком. Катится по квартире колобочком неслышными шажками, вроде так и удобней. Марина стройна по-отцовски, хотя и не сухопара. Плечи развёрнуты, как у гимнастки, спину держит ровно. Выше матери на голову почти, ходит легко, с носка.

Только подумал про тещу, она тут как тут объявилась на порожке. Быстро оценила обстановку, в которой, судя по всему, играть активную роль ей уже не придётся. На всякий случай спросила:

— Может, чего ещё надо? — И, не встретив ответа, доложила дочке: — Еле уколотила. Подавай ей сказку, и всё тут! Ну, я пойду прилягу. Набегалась за день, ног под собой не чую. Вы тут тоже не засиживайтесь. У всех небось работа, одни мы с Прокопом пенсионствуем. Нам-то что...

Анфиса ушла, как растворилась, словно её и не было минуту назад. В который раз Сергей отметил про себя: вот тихое, безропотное создание, и мухи не обидит. Чем-то очень похожа на младшего деверя.

Дядька Иван отодвинул допитый стакан, крикнул, как после рюмки, прочищая горло для застольного откровенного разговора.

— Я вам, ребятки, открыться хочу. Только сразу скажите, есть ли у вас желание послушать старого солдата? Мой анекдот невесёлый...

По всему было видно, что слова эти дались Ивану нелегко. Он кашлянул взволнованно, переводя брызжущие морским цветом глаза то на Марину, то на Сергея. Даже румянец слинял с лица, щёки словно морозом прихватило.

— Ну какой вы старый! — воспротивилась Марина. Она любила дядю за его тихий нрав, непоказную доброту. Да и какие такие долгие разговоры на ночь глядя. Так, наверное, какие-нибудь семейные рассуждения.

Поёрзав на стуле, словно прикрепляя его прочнее к месту, на котором он стоял, Иван посмотрел на племянницу с благодарностью. Конечно, какому мужчине в пятьдесят с небольшим хочется выглядеть стариком? Дядя провёл правой рукой по лицу, словно бы снимая маску обычности. И действительно преобразился. Глаза посуровели, ушли глубже под брови, притухли. Казалось, что он смотрит куда-то вглубь себя самого, где пряталась под спудом условностей томившая его тайна. Сейчас он действительно постарел, неровные изломанные морщины набежали на слегка покатый лоб, и казалось, что каждая из них — линия определённого отрезка его прожитого.

— Я ведь на фронте тоже шофёром был, — начал он глуховатым голосом, словно боялся говорить громко по какой-то одному ему ведомой причине. — Стрелять мне практически и не пришлось ни разу, Бог миловал. Наверное, потому и медалек у меня негусто... Как призвали в сорок втором, так за баранку и посадили. Вначале на «зискé» снаряжение всяко разно возил. Ну а к концу войны — генерала. Это уж на американском «виллисе». Их нам по ленд-лизу прислали опосля открытия второго фронта. Машинка, я вам доложу, зверь. С виду невелика, а под капотом девяносто пять лошадей запрягано. Все четыре колеса сблокированы на тягу, любая грязь нипочём. Только за руль держись, чтобы на ухабах не вылететь...

Он опять вернулся в свой облик, и морщины разгладились, и глаза посветлели. Словно бы соратника верного вспомнил и оттаял сердцем. Уловив перемену в настроении дяди, Сергей поощрил его простым вопросом, чтобы не дать замкнуться:

— А что за генерал был?

Дядя словно бы очнулся, лицо вновь помрачилось.

— В том-то и дело, что был... Мы уж и победу отпраздновали. Часть наша южнее Берлина дислоцировалась. Город Котбус, на Шпрее. Речка пожиже нашего Амура, и сравнивать нечего. Нам тогда и море по колено было. Пехота, одним словом, царица полей... За три года в моей роте, если не соврать, две трети личного состава выкосило свинцом да сталью. Хенде хох! Шпрехен зи дойч! — с горечью воскликнул Иван. И добавил, словно ругнулся нехорошим словом: — Их бин на Берлин! Ты меня, Маринка, извини, конечно...

Племянница только головой кивнула да очки сняла, давая свободу усталым глазам.

— Ну так вот... Вызывают меня как-то в особый отдел. Как мы в Германии стали трофеи собирать, так у нас чёрт-те знает сколько этих уховёртов объявилось. Раньше, когда военные действия шли, смершевца днём с огнём не сыщешь. Не любили под пули лезть, чего уж там. А сейчас повыползли на свет божий. Мой-то хозяин их не особо жаловал...

Марина подняла тонкие, крылышками, брови и наморщила лоб:

— Хозяин — это генерал, что ли?

— Так точно, генерал-майор Беляков. Сейчас фамилию-то назову, а тогда подписку взяли о неразглашении. Его уж после победы к нам назначили в дивизию.

Теперь настал черёд Сергея уточнять:

— Какие такие тайны у вас, пехотинцев, могли быть?

На что дядя усмехнулся невесело:

— Не скажи... Дело к осени было. Начали формировать эшелоны в Союз, всякие там репарации. Ну, трофеи это, чтобы понятнее... А нас поставили охранять узловую станцию — наш, значит, Котбус. Там такое творилось! Эшелон за эшелоном...

Иван произносил «ишалон», Сергею это даже понравилось. «Вот ведь русский человек, — отметил он про себя, — всякое иностранное слово на свой лад приспособливает: ишалон — и шёл он...» Не удержался и поправил дядю:

— Вообще-то репарации — это возмещение потерь в закончившейся войне. Проигравшей страной — победителям. Ну а трофеи сродни захвату, может быть, даже и грабёж в некотором роде. И берут их на поле боя. Считается, что это справедливо.

Иван согласно закивал головой:

— Верно говоришь! По науке... — Он поднял корявый, не отмываемый от машинного масла и железа палец. Потом постучал им по столешнице — словно петух поклевал рассыпанные на дворе озадки: — Только кто ж тогда по науке действовал? Каждый норовил прихватить, сколько может по чину своему и нахрапу. Солдатская добыча известная — часишки наручные с ремешком, кофейник медный. «Лейка», если повезёт. Фотоаппараты у немцев самые лучшие были, чего там говорить. Ухватистые хлопцы домой аккордеоны привезли. У меня грампластинка есть... Ро-за-мунда-а!.. — неожиданно проблеял Иван мотивчик немецкого шлягера «Вечерняя роза».

Марина засмеялась дядиному пению:

— Тебя, дядь Ваня, хоть сейчас на сцену выпускай с таким трофеем...

— Выпустили, только не на ту... Мои трофеи известные. Вон у Георгия гобеленчик висит на стенке. Такой же и у меня дома, только не мельница, а двор на фольварке выткан. Сносу нету мануфактурному изделию! Так я их там, в Котбусе, и прихватил. Как память. Один братке, другой себе. А главный трофей со мной на одной кровати спит. — И, заметив, как Сергей расширил карие в густых ресницах глаза, опередил его вопрос: — Я потом скажу, когда дело до этого дойдёт. Боюсь сбиться с порядку. Ну, так вот... Наша часть обеспе-

чивала график погрузки вагонов, контроль за отправкой тоже на нас был. Всё под пломбами свинцовыми. Чего погружено, куда везут — секретная тайна. Постороннему знать не велено. За любопытство по законам военного времени могли очень даже легко приголубить на неведомый срок. Мы-то, пехтура несчастная, свои репарации, чи трофеи, на горбу в вещмешке тащили. А старшим офицерам, особенно тыловикам, хозяйственникам — тем и одним вагоном не управиться было. Вот что я вам доложу... Сколь раз, помню, генерал на станции приказывал пломбы с вагонов срывать. Вот где трофеи были так трофеи! Посуда фарфоровая расписная, тонкой выделки. Мебель гнутая венская, морёного дерева под лаком вишнёвым. Картины в рамах, сразу видать, что не гусилебеди рыночные на клеёнках. Добра разного и не перечислить! Всё в ящики упаковано, соломой обложено. Сверху «Не кантовать!» натрафаречено. С размахом везли начальнички. Не в дворцы культуры или там в детдома, ясно дело — себе любимым. Это когда станки да другое промышленное оборудование грузили, так там понятно, всё на виду, хотя и под брезентом кое-что пряталось. Сопроводительные документы на всё полагалось иметь, только кто их писал, да кто проверял, да кто получал?..

Устал Иван, за стаканом потянулся чаю попить. Марина сняла с плиты чайник, быстренько налила дяде горячего ещё сливана. Сахарницу пододвинула. Иван обнял стакан двумя ладонями, словно греясь. Шумно отхлебнул, не обратив внимания на сахар-рафинад. Сергей воспользовался паузой и припомнил широко нашумевшую историю с одной очень знаменитой певицей, чей муж-генерал неплохо погрел руки на живописных шедеврах и прочих немецких ценностях. Судьба обоих была незавидна. Муж довольно быстро исчез с лица земли, а певица долгонько-таки пела на Колыме лагерному начальству русские народные песни. Там особенно актуальны были «Валенки». Уже под старость возвратилась она на эстраду, выступала на телевизионных «голубых огоньках». Но народная любовь миновалась безвозвратно.

Дядя слушал молча, полузакрыв глаза. Казалось, что он задрёмывает. Но когда Сергей умолк, Иван сказал просто, без всякого нажима, а потому и убедительно:

— Простому человеку и в мирное время нечем штаны подвязать. А иному война — мать родна. Самое время нажиться на чужом горе.

— Вы говорили про особый отдел в начале, — напомнил Сергей.

— А что особый отдел? Там агитацию не ведут. Сказали, поступил приказ из Москвы — убрать генерала Белякова. Много наворовал, дескать. Подводить его под трибунал — только шум лишний поднимать. «Ты шофёр, возишь всюду начальника. Сделай аварию. Но чтобы чисто было, чтобы никакое следствие не разобрало, что к чему...»

— Да вы что! — не удержался Сергей. Его книжное знание о войне такого развития событий не предполагало. В романах советские полки держали героическую оборону, вели стремительное наступление на врага. Лилась кровь, гибли люди. Но линия справедливости чётко обозначала границу между нашими и врагами. А тут дядя Иван плетёт такое... Вроде выпили братья одну лишь бутылку «белоголовки», да и то Жорка помог основательно. Значит, не спяну толкует.

В окно кухни, поверх задёрнутых занавесок, смотрела неведомая яркая звезда. Она дрожала, — очевидно, от тепла, струящегося из раскрытой форточки. «Из какой такой галактики идёт её тонкий луч? Там тоже наверняка есть жизнь. А где жизнь, там и смерть. Или естественная, от старости, или насильственная, как вот у нас на Земле, — подумалось почему-то Сергею от невыразимой тоски, рождённой исповедью родственника. — Неужели он и в самом деле выполнил этот страшный приказ?»

Продолжать воспоминания было тяжело. Иван встал и сходил в умывальник, побрызгал в лицо холодной водой. Лоб заломило, забухало в виски. «Началась канонада... — отметил он подъём давления в сосудах. — Так и по мозгам шибануть недолго...» Но пересилил слабость и боль. «Если не доскажу Серёге с Маринкой, так и уйду с грехом на совести... Сколь ни топчи память, она прорастёт бурьяном да на свету бодыльём станет...»

В кухне его терпеливо ждали. Иван достал из кармана платок, промокнул глаза. Лоб и щёки утирать не стал, пусть холодком бодрят. Покашлял, прочистил горло и продолжил:

— Так вот, я и говорю: приказ есть приказ. Поди разберись, кто у них прав, кто виноват. Только когда в глазах чуток прояснело, суют под нос бумагу. Так, мол, и так — подписка о неразглашении государственной тайны. Смотрю на бумагу, а строчки перед глазами пляшут. Ни черта не разбираю! Тут мне майор ручку-самописку даёт: «Ставь внизу подпись. Не вздумай глупостей наделать. Мы тебя под землёй найдём...» Расписался, как в тумане. Майор говорит напоследок: «В твоём распоряжении два дня». Вышел я из дома, где особисты окопались. Ничего такой домишко, хотя особо и не приметный. А вот вижу его частенько во сне, так вклепался в мозги. Двухэтажный особнячок красного нештукатуренного кирпича, с крылечком каменным под навесом железным. Стал думать, как дальше быть. Дело вечернее. Наша рота обслуживания на постой определена была в местной школе. Школа эта более-менее уцелела при наступлении. На ужин не пошёл. Какой кусок в горло полезет после такого разговора! Лёг на кровать, с головой укрылся одеялом, как в могилу канул. И стало понятно, что при любом раскладе мне живым не бывать. Сделаю аварию по-настоящему — оба с генералом погибнем. Уцелею — свои же и уберут по-тихому. Они в ежовские годы насобачились неповинных людей на тот свет отправлять без путёвки. Вспомнил жену, дочки перед глазами встали, Валечка да Гутенька. Так ножом по сердцу и полоснуло! Я тогда в Бога не верил, нам комсомол такую установку дал. А слышу, словно кто шепчет на ухо: «Есть ещё один вариант, самый для тебя подходящий...» И такой это был успокоительный голос, вроде мужской, но не особо старый, ласковый — я сразу и заснул, как в Амур нырнул...

Наутро встал до света. Небо в облаках низких, дождик накрапывает помаленьку. Липы обвисшие стоят, словно плачут по мне. В гараже «виллис» проверил, бензина долил под крышку. Авось и это сыграет в свой час. Никакого плана в голове не нарисовал, понадеялся на случай. На фронте, бывало, за день в такую заваруху попадёшь — до гибели считанные метры оставались. На войне-то, конечно, оно почаще случалось смерти в глаза заглядывать. Тогда

все мины в тебя летят, все бомбы с неба на тебя падают, а пули так уж точно твои, только не знаешь, какая из них в сердце ударит. Но мир ещё не устоялся, смерть свой обход до конца не совершила... К семи утра подал машину к штабу гарнизона. Генерал вышел пасмурный, словно что-то чуял нутром. Или мне так показалось из-за погоды, не знаю. Поехали. Центральная улица расчищена от развалин была неплохо, а ближе к вокзалу — руина на руине. Там наши бомбардировщики хорошо весной поработали. Брусчатка разломана, колдобина на колдобине. Особо не разгонишься. А мне скорость нужна была, чтобы уж наверняка... И подумал: а не всё ли нам равно с генералом, после аварии мы с ним разборки ведь не устроим. Выехал на привокзальную площадь, смотрю — у эстакады танк охранения стоит. Брусчатка тускло так поблёскивает от дождичка. Юзить должна хорошо... Придавил педаль газа до пола — «виллис» аж на дыбки вскинулся. И помчался напрямую на танк. Помню, генерал дёрнул за руль, крикнул что-то. И всё, дальше память отшибло...

...Иван запрокинул голову, зажмурился, словно сейчас вновь врежется в танк. Так заскрипел зубами, что Сергею с Мариной этот звук показался скрежетом железа о железо. Потом дядя потряс сидящими кудреватými волосами, сбрасывая страшное наваждение, вынырнувшее из подполья памяти. Отхлебнул сливана и продолжил размеренно, словно по книжке читал свою судьбу.

— Не обманул ведь меня тот голос насчёт третьего варианта. Очнулся я в госпитале. Забинтован с головы до ног. Тело ломит, на кусочки аж разрывает. Рядом медсестра молоденькая, от её белизны аж зажмурился. И в белом халате, и блондиночка. Миловидная такая... Увидела, что я глаза расщурил, руку на лоб положила и говорит: «Лежи спокойно». А в меня словно что-то льётся тёплое. Думаю, раз её красоту заметил, так уж точно не помру... Стал я помаленьку к жизни возвращаться. Лекарства, уколы, капельницы — всё делала сестричка, что врач назначал. Если бы не она, кранты, считай, мне. От неё и узнал, что генерал погиб на месте, а меня чуть живого вытащили из «виллиса», он уж горел. Вот с той поры нос на сторону смотрит, а косточки любое изменение в погоде за четверо суток предсказывают...

Чтобы дать дяде перевести дыхание, Сергей спросил машинально:

— А как её звали, сестричку-то?

— Надюхой... Надеждой то есть, — отозвался Иван.

— Как тётю Надю, вашу жену? Вот совпадение! — удивилась Марина. Ей невыносимо больно было слышать всё, что рассказывал дядя. Хотелось отвлечься хоть на мгновение. — А вот вы дочек помянули двух, Валю и Августину. У вас же одна дочка, Лидуська.

— Вот то-то и оно... — опять зажмурился с силой Иван, только головы не запрокинул да зубами не заскрипел. — Так всё и вышло...

— Как так, дядь Ваня? И тут какая-то тайна?

— Да какая там тайна! Шила в мешке не утаишь... Стала та медсестра моей второй женой, вот и всё. Я ей тоже на сердце пал. Рассказал, что напрасно она меня с того света вытащила. Открылся как на духу. Особисты

найдут где хошь. А она и говорит: дескать, они сразу, как привезли меня с вокзала в госпиталь, заходили поинтересоваться, долго ли я протяну. Еле дышал я, стону не слышно было даже. Врач и сказал — кома у меня. В лучшем случае недельку протяну, да и то едва ли. Ну, они и убыли. Кто ж знал, что одыбаюсь... Окончательно спасло другое: нашу часть в срочном порядке расформировывать начали, объявили демобилизацию. В Котбусе только госпиталь временно остался да рота охраны. Про меня забыли, а не то списали раньше времени. Ну и здоровьишко моё таежное тоже сказалось, на нём-то и выдюжил. Как на ноги окончательно встал, комиссовали вчистую. Путевые документы на руки выдали. Госпиталь тоже попал под расформирование. Сели мы с Надеждой, подумали, собрали манатки в котомки да и поехали удвох на Дальний Восток. Я ей про первую жену да про дочек всё честно рассказал. Она сказала: куда ты, туда и я. Вернёшься в семью — не обижусь. Но я в Кумару не поехал, где до войны жили. Братка Прокоп в Шимановске прописался, как из Маньчжурии вернулся. Теснились впятером в развалюшке. Маринка помнит, поди, хотя она малышкой ещё была, как ваша Леночка. Петя в целинный совхоз завербовался по внутриобластному переселению. Там новосёлам усадьбы давали — домики, рубленные из сосны, огорода соток по пятьдесят, живность — корову, кур, поросят. Подъёмные неплохие, тех денег на обживание хватало, да и зарплату сразу стали выдавать ежемесячно, не то что в колхозе. Вот к Петру и двинулись да так там и осели. Шофёры везде нужны, а баранку крутить у меня память не отшибло. Надя в медпункте устроилась фельдшером, подучилась на курсах потом. Руки у неё золотые, сердце доброе. Любого хворого в два счёта на ноги поставит. Написал в Кумару Марии, чтобы не ждала. Дочкам алименты посылал, сколь положено. А тут вскорости и Лидочка родилась. Там и прирос. Давно привык.

Он допил чай, перевернул стакан вверх доньшком и аккуратно поставил на блюдце. Дескать, почаёвничал — и довольно.

Словно уловив окончание дядиной исповеди, в кухню заглянул шустрый Жорка.

— Хватит человека мучить! Там уже постелила мать вам с дядь Петей. Ему на диване, а тебе на раскладушке. Ты ведь у нас самый небольшой будешь. Ничё?

— Ничё, — подтвердил Иван. — Нам не привыкать ноги поджимать.

Марина попрощалась с дядей, пожелала ему спокойной ночи и ушла в большую комнату за ширмочку стелить себе и мужу. Двинулся вслед за нею и Сергей. Но Иван ухватил его за руку, попридержал.

— Ты, Серёжа, извини, что потревожил вас. Братья ведь основной причины не знают, что там со мной в Германии приключилось. Надю они приняли хорошо. Понимают... Ты журналист, рупор партии, так сказать. Агитация и пропаганда советской действительности... Навряд ли тебе дадут такой очерк пропустить по радио. Сам знаешь почему. Года мои под уклон покатались... Я ещё поработаю, ты не думай. Я Родине все долги с лихвой отдал, сил не жалел. У меня за труд и орден есть... На фронте-то всё медали... Если когда времена

переменятся к лучшему, к правде то есть, не забудь меня. Ты ещё поживешь! Станешь писателем, придумай другие имена, найди слова нужные. Чтобы душенька моя на том свете успокоилась. Болит она у меня, совесть мучает. Я теперь буду на тебя надеяться. Успокой ты мою душу, Серёжа...

...Минули годы. Нет давно на свете ни Прокопа, ни Петра, ни младшего брата их Ивана. Потом и Георгия не стало. Последней потихоньку, во сне, чтобы не побеспокоить соседей в больничной палате, скончалась Анфиса. Ушли Щукины, оставив детей и внуков продолжать их дела. Уже и правнуки жениться надумывают. Жизнь катится разными дорогами в одну и ту же сторону — навстречу утреннему солнышку.

Так было... Так будет... Всегда...

2010

ПОМНИТЕ И ВЕРЬТЕ

К нам весна вернётся, как всегда,
Тёплая, желанная, хмельная.
Не стареет память никогда.
Не померкнет день девятый мая.

Верностью сыновнею сильны,
Мы цветы возложим на могилах.
Удаляют годы от войны,
От Победы удалить не в силах.

И покуда ритм людских сердец,
Как на фронте, бой ведёт со смертью,
Не наступит никогда конец
Родине России — знайте, верьте!

КОЛОКОЛА

Монологи звонаря

1.

Державный звон колоколов:
В нём голос мощных рек, лесов,
Дыханье утренних полей,
Прибой вскипающих морей.